РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

УДК 39.88:351.11(571.15)

DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-45-48

И. Н. Соловьева

Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)

irina.solo.solo@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ КАЗАЧЕСТВА НА АЛТАЕ

Аннотация. В настоящее время исследователями-фольклористами все больше внимания уделяется изучению певческих традиций Алтайского края. В статье рассматриваются вопросы по истории формирования казачества на Алтае, его неоднородном составе. Обобщаются сведения о бытовании жанрового состава певческой традиции, факторы взаимовлияния местной традиционной и казачьей культуры. Выявляются музыкально-стилистические особенности песенных жанров алтайских казаков.

Ключевые слова: *формирование сибирского казачества, жанровый состав репертуара алтайских казаков, музыкально-стилистические особенности песен.*

С середины 60-х годов XX века начинается этап значительного роста интереса этнографов к традиционной музыкальной культуре Алтайского края. В среде ученых и фольклористов, занимающихся изучением музыкально-этнографического наследия края, возникает понимание необходимости научно-исследовательской деятельности по собиранию, изучению и публикации фольклорных образцов песенного творчества нашего региона. За истекший период накоплен богатейший материал о традиционной культуре Алтая. История освоения территории Алтайского края, изучение его материальной и духовной культуры достаточно глубоко и полно раскрыты в трудах отечественных этнографов, таких, как Ю. С. Булыгин, А. А. Худяков, В. А. Липинская, В. Е. Фомин.

Наряду с другими традициями, особое место занимает бытующая на Алтае традиция казачества. Вопросам, раскрывающим специфику бытования традиционной культуры алтайских казаков, ее жанрового состава, музыкальной стилистики песенных образцов посвящены исследования и сборники песен исследователей и педагогов – О. А. Абрамовой, Н. И. Бондаревой. Большой вклад в дело изучения алтайского казачества внес этномузыколог В. М. Щуров.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена необходимостью выявления специфики певческой традиции казаков на Алтае, характерных особенностей бытования жанрового состава,

музыкально-стилевых основ песенного материала, имеющего своеобразные региональные варианты.

В музыкальной культуре Сибири певческая традиция алтайских казаков представляет собой достаточно яркое и самобытное явление. Своеобразие культуры алтайских казаков во многом определили исторические факты формирования алтайского участка Сибирского казачьего войска, проходившего административным путем, что определенным образом отличалось от самостоятельно складывавшихся казачьих общин Дона, Яика, Терека [1].

Сибирское казачье войско возникло в связи с приходом в Сибирь волжской дружины Ермака Тимофеевича и взятием ею Искера – столицы Сибирского ханства. В 1587 году часть казаков Ермака стали основателями укрепленных городов: Тобольск, Тюмень, Томск, Кузнецк. Позже, в 1633 году, несколько отрядов казаков из Томска и Кузнецка предприняли попытку закрепиться на Алтае, но основать крепость на месте слияния рек Бия и Катунь им не удалось. Только в 1709 году была построена Бикатунская крепость, уничтоженная через год кочевниками, а в 1717 году по приказу Сибирского губернатора М. Гагарина на Оби были построены Белоярская и Бийская крепости, на Иртыше – Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости и ряд других оборонительных сооружений [2, с. 104].

В Сибири никогда не жили вольные казаки. На этой территории расселялись служилые сословия, ядром которых была донская вольница, уцелевшая после Сибирского похода атамана Ермака Тимофеевича. Главное же отличие вольных казаков от служилых заключалось в том, что служилые казаки жили на земле, не принадлежавшей им. Вольные же казаки заселяли земли, завоеванные ими.

В середине XVIII века началось формирование Колывано-Кузнецкой оборонительной линии, в которую вошли крепости, форпосты, редуты, защиты, маяки и полумаяки. Небольшие отряды казаков-первопроходцев сменялись значительными группами оседлого «станичного» казачества. В состав казачьих гарнизонов Сибири входили выходцы с Севера, Поморья и Поволжья. Гарнизоны первых крепостей составляли городские казаки, которые подчинялись Кузнецкой крепости.

В 50-х годах XVIII века на Колывано-Воскресенскую оборонительную линию, которая была образована для охраны заводов, правительством стали присылаться гарнизоны казачьих частей из Яицкого и Донского казачьих войск; время от времени туда стали направляться отряды башкирских казаков. Также в состав алтайского казачества переводились отряды из различных, уже существовавших на то время крепостей Сибири, а также ссыльными казаками. Наряду с этим, существовала еще одна категория «записных» казаков. Это были крестьяне, «верставшиеся» в казаки, к их числу относились «поляки»-старообрядцы и разночинцы. В течение XVII-XVIII столетий в сибирское казачество входили «казачьи дети, братья и племянники», «ясачные инородцы», ссыльные. Воеводы, назначенные в Сибири, сами «прибирали охочих людей в стрельцы и казаки» по челобитным или указам на основе «поручных записей» [2, с. 117–118].

На протяжении XVIII–XIX веков гарнизоны енисейских казаков охраняли возникающие города и деревни, охраняли ясачные племена аборигенов края, участвовали в сборе ясака, сопровождали купеческие караваны, несли «отъезжие караулы», этапировали ссыльных, сопровождали научные экспедиции, организовывали пограничные караулы и разъезды. Наряду с русскими службу несли буряты и тунгусы. В силу особенностей быта, по своему укладу жизни население казачьих войск было преимущественно сельским населением. Казаки, в свободное время от службы, занимались земледелием и скотоводством.

Образовавшаяся и сложившаяся в таких исторических условиях освоения сибирских земель, певческая традиция алтайских казаков достаточно длительное время обладала отличительными каче-

ствами бытового и хозяйственного уклада, который в свою очередь повлиял на жанровый состав репертуара и музыкально-стилистические особенности казачьих песен. Казачьи станицы Алтайского края до сегодняшнего времени, хотя и частично, сохранили этнокультурную традицию. К самым ярким из них можно отнести станицы: Петропавловскую, Верх-Ануйскую, Чарышскую [3, с. 10].

Музыкальный фольклор алтайских казаков имеет особенности, которые обусловлены следующими факторами: а) устное творчество некоренных сибиряков, относящееся к числу вторичных фольклорных традиций, образованных на базе европейско-материковых источников; б) фольклор сибирских казаков, состоящий из разновозрастных традиций, отошедших от корневой культуры в период с XVI до XX века.

В. М. Щуров справедливо указывает на то, что основу репертуара алтайских казаков составляют песни, имеющие много общего с казачьими песнями Дона, Урала. В целом жанровый состав музыкального фольклора в казачьей традиции представлен достаточно многообразно. Песенный стиль алтайского казачества развивался, впитывая и синтезируя влияние музыкального фольклора разных регионов европейской части России [4, с. 6].

Основной военной задачей алтайских казаков являлась охрана территории мирного населения от набегов кочевников. В связи с этим обрядовая поэзия не имела сохранности в быту казачества и не была зафиксирована собирателями-фольклористами. Согласно исследованиям М. В. Дубровской, «из календарной обрядности в среде сибирского казачества было популярным празднование Масленицы, с присущим ей «взятием городка». Городком называли высокие столбы, на вершине которых укреплялись призы. Самые удалые мужчины стремились подняться до верха столба. В казачьих станицах Алтая искусство лазить было так развито, «что во время масленицы молодые люди взбирались до самого верха на длинный шест, воткнутый в землю, несмотря на то, что жидкая вершина его делает размахи в две сажени...» [5].

Наиболее значительную и самобытную часть репертуара составляют военные и походные песни. По утверждению этномузыколога В. М. Щурова, «в репертуаре алтайских казаков множество песенных образцов, относящихся к воинской тематике, которые по поэтическому содержанию и напеву не имеют ярко выраженных местных стилистических черт» [6, с. 5]. Строевые и походные песни, бытующие в станицах Алтайского края, отражают черты воинского казачьего быта. При этом сюже-

ты в поэтических текстах, как правило, раскрываются от лица терских и уральских казаков. Предположительно такие традиционные образцы получили распространение в певческой традиции алтайских казаков намного позже описываемых в сюжетах песен событий, примерно в конце XVIII – начале XIX века. Яркими примерами таких образцов являются песни «Невольно помнятся походы», «Ой да, вспомним братцы, мы кубанцы» и ряд других, бытующих в репертуаре казачьих станиц. Вместе с тем необходимо отметить, что характер распева, музыкально-стилистические свойства алтайских вариантов песен существенно разнятся с аналогичными образцами песен уральских и терских казаков, хотя по жанровому признаку они схожи.

Наиболее своеобразным элементом жанрового ядра в песенной системе алтайских казаков являются лирические исторические песни. Так, в Чарышском районе от потомков Сибирского казачества зафиксированы оригинальные варианты лирических песен семейно-бытового содержания, образцы военно-бытовой лирики [7, с. 11].

Алтайские казаки поют в низком грудном регистре, песни звучат сравнительно мягко, «по-сибирски». Лирические казачьи песни имеют достаточно развитую многоголосную фактуру. При терцовом двухголосии соотношение голосов различно. Вертикальная исполнительская структура представляет собой функциональное двух-, трехголосие с обособленным верхним голосом, противостоящим вариантно-гетерофонному «пучку» нижних голосов при синхронном произнесении текста. К таким песням относятся «Поднимались туманы», «Ой, не шуми-ка, да не греми-ка ты, зелена дуброва» [6, с. 22–24].

Горизонтальная структура песенной строфы опирается на чередование сольного зачина и коллективного подхвата. Песни ритмичны, их отличает большой волевой накал. В то же время они звучат мягче, сдержаннее по настроению, нежели более экспрессивные, энергичные песни донских или уральских казаков, послужившие, очевидно первоосновой при формировании самобытной сибирской казачьей песенной традиции» [8, с. 18].

Специфична мелодика внутрислоговых распевов в лирических песнях. Слово длительно распевается, повторяясь целиком, либо после резкого словообрыва. При этом наблюдается энергичное паузирование во всех голосах напева, благодаря чему музыкальная форма четко делится на соизмеримые построения. Запевы песен традиционны – мелодические восходящие квинты и сексты с последующим волнообразным заполнением и устремлением к основному устою. Яркими примерами таких запевов выступают песни «Вечерок-то

да вечерается», «За Уралом-то, за рекой» [6, с. 13–14]. Для лирических песен характерно кварто-квинтовое соотношение ладовых опор (строфа часто завершается на V ступени основной тональности), что способствует устремленности развития мелодической линии основного напева. Мужские голоса обычно звучат в унисон с нижними женскими голосами либо, в достаточно высокой вокальной позиции при однородном составе ансамбля [9, с. 53].

Исполнительский стиль алтайских казаков характеризуется степенностью, проникновенностью, особенно в лирических песнях, звучание которых отличается большей мягкостью. Эпическая группа музыкального фольклора в репертуаре алтайских казаков представлена балладными песнями, которые по стилю и характеру исполнения приближены к жанру лирических песен, например – «Выпускала соловейку» [6, с. 33], «Скакал казак через долину» [7]. В казачьей среде бытуют лирические песни сравнительно позднего пласта и романсы городского происхождения: «Канареечка, мой друг любезный» [6, с. 30], «Да как под черною, чарнявою» [6, с. 67].

Женская исполнительская манера характеризуется сближением с местной старожильческой культурой. Женские голоса в казачьих песнях звучат в низком глубоком, преимущественно грудном регистре. Такая манера пения характеризует местные стилевые свойства всей Сибири. Подобная тембровая окраска во многом способствует созданию того угрюмого колорита, которым отличается пение «чалдонов». Вместе с тем, для некоторых локальных манер характерен более высокий и светлый регистр общего звучания. В целом, сибиряки поют напряженно, с крепкой грудной опорой, по особому серьезно, бесстрастно. Часто мелодия основного голоса и подголоска удваивается в октаву, что в определенной мере сближает сибирское пение с традиционным пением Русского Севера [9, с. 53].

В. М. Щуров, исследуя традицию алтайских казаков, подчеркивает, что «женский репертуар казачьей культуры во всем тематическом многообразии представлен жанром хороводной песни. Наиболее специфическими, примыкающими к местной старожильческой традиции являются так называемые «круговые» хороводы: «Заря ли, наша зоренька», «Я посею да младенька цветику маленько». Это умеренные по темпу и характеру песни. Также водили особые хороводы-шестивия – «стреловые». Ярким примером может служить песня «Пуцу стрелу» Чарышского района, «Ты ляти, ляти, калена стрела». Весьма распространены у алтайских казаков игровые песни, широко распространенные в Сибири, такие, как «Ходит

Бориска», «Не летай соловей», «Кони вы, кони, лошади казенны» [6, с. 13–14]. Для хороводных песен характерен простой мелодический рисунок, строгая симметричность и четкий акцентированный ритм.

Достаточно фрагментарно в традиции алтайских казаков представлены свадебные песни. В. М. Щуров пишет: «В местных казачьих поселениях, на свадьбе подружки невесты пели коллективные причеты, имевшие строго определенную песенную структуру. В его основе лежит тонический трехударный стих» [6, с. 12]. Кроме хоровых причетов, исполняются на казачьей алтайской свадьбе также и обрядовые свадебные песни, некоторые из которых встречаются в репертуаре других региональных групп казачества. Например, песня «Не шелкова ниточка к стенке льнет, Ванюшка у Машеньки ручку жмет», записанная в с. Тулата Чарышского района, известна с другим мелодическим напевом в записи от гребенских казаков [6, с. 13].

В плясовых песнях алтайских казаков прослеживается трансформация жанра. В них утрачен верхний орнаментальный подголосок – дишкант, характерный для исполнительской традиции донских казаков, отсутствует экспрессивно-эмоциональная подача поэтического текста. Вместе с тем присутствует сохранность диалектных особенностей говора, основанных на «якающем» диалекте и смягчении окончаний. Примерами могут служить широко известные песни Чарышского района «Уж я пашенку пашу», «Хмелюшка, хмелек» [10, с. 29].

К общим стилевым признакам многоголосия алтайских казаков можно отнести следующие:

-«склад со второй» – преобладающий параллелизм терций при ведущей роли нижнего или среднего голоса в трехголосных песенных образцах;

-широкое использование миксолидийского и дорийского лада; опора на двенадцатиступенный обиходный звукоряд;

-движение голосов параллельными трезвучиями;

-использование задержаний в мелодических линиях голосов;

-параллельная ладовая переменность;

-использование опевания опорных звуков, богатой орнаментики.

Таким образом, певческая традиция алтайских казаков выступает одним из основных связующих компонентов этноса и является важней-

шим средством сохранения и передачи традиционной духовной культуры новым поколениям. Его можно рассматривать как источник, в котором нашли свое отражение как исторические факты, так и семейно-бытовые традиции.

Алтайское казачество, находясь в тесном соприкосновении с другими локальными певческими традициями, принесенными из различных регионов Европейской части России, усваивало и создавало новые образцы песенного творчества, опираясь на культурные переселенческие очаги стилевых особенностей тех районов, откуда они прибыли. Непрерывно шел живой процесс взаимовлияния и взаимопроникновения песенных традиций, который стал фундаментом для формирования самобытной казачьей певческой традиции Алтая.

Список литературы

1. Фомин В. Е. Казачество и казачья культура на Алтае // История культуры Алтая. Барнаул, 1995. С. 20–36.
2. История культуры Алтая. Ч. 1. Гл. 3. Особенности быта, языка и культуры основных групп русского населения Алтая XVIII – начала XX вв. Барнаул, 1999. С. 92–148.
3. Абрамова О. А. Традиционная народная культура «поляков» и «каменщиков» Рудного Алтая. Барнаул, 1999. 238 с.
4. Щуров В. М. Песни Нижней Тунгуски: из коллекции фольклориста. Москва, 1977. 40 с.
5. Дубровская М. В. Варианты масленичной игры «Взятие снежного городка» на территории Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 219–221.
6. Щуров В. Песни алтайских казаков. Барнаул, 2010. 100 с.
7. Бондарева Н. И., Мамеева А. В. Проснулась да станица: культурно-бытовые традиции чарышского казачества. Барнаул, 2006. 164 с.
8. Мельников М. Н. Фольклорные взаимосвязи восточных славян Сибири. Фольклор старожильского русского населения: опыт типологии. Новосибирск, 1988. 96 с.
9. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1997. 564 с.
10. Бондарева Н. И. Песня в наследство. Барнаул, 1998. 244 с..